

Дарья Донцова

Золотая серединка на ослика

Детектив на диете **Татьяна Сергеева**

Дарья Аркадьевна Донцова
Золотая середина ослика Иа
Серия «Иронический
детектив (Эксмо)»
Серия «Татьяна Сергеева.
Детектив на диете», книга 28

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54083734

Золотая середина ослика Иа / Дарья Донцова: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-112159-4

Аннотация

Не все же время сидеть на диете, правда, девочки? Вот и Татьяна Сергеева с наслаждением съела в кафе три порции шоколадного пломбира с орехами. Твердо пообещав себе, что на ужин будут только листья салата, она вышла из бистро и зашагала к офису. Впереди по тротуару неторопливо двигалась миловидная блондинка. Вдруг из припаркованного джипа выскочил субтильный мужчина с пистолетом и направил его на девушку. Через мгновение, скрутив неудачника в бараний рог отработанным приемом, начальница особой бригады позвонила своим коллегам.

Но это уже было лишним. Выяснилось, что «нападение» – всего лишь постановочная съемка для соцсетей блогерши Меньшиковой. Тут бы Тане выдохнуть и расслабиться, однако история на этом не закончилась. В офис детективов заявилась настоящая шантажистка, и сотрудникам Татьяны пришлось вспомнить старое дело об убийстве их коллеги Петра Заикина. Вдова несчастного совершила очень странный поступок: сдала в интернат единственную дочь и исчезла...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	49
Глава 8	56
Глава 9	63
Глава 10	71
Глава 11	75
Глава 12	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Дарья Аркадьевна Донцова

Золотая середина

ослика Иа

© Донцова Д. А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Глава 1

– О людях надо думать, как о любимом коте. Не нагадил ли мне он где? Ай, молодец.

Я отодвинула пустую вазочку из-под мороженого и посмотрела на симпатичную девушку, которая произнесла фразу про кота, она продолжила разговор:

– Ой, все. Занята я.

Блондинка положила трубку на столик и через секунду, пробормотав:

– Черт! Эсэмэска уже пришла, – бросила в сумку телефон и пошла по улице в сторону перекрестка.

Я двинулась следом. Пора на работу, до офиса рукой подать.

Что может быть лучше тихого майского вечера, когда ты, вот уже неделю сидя на диете, съела в уличном кафе три порции шоколадного пломбира с орехами-печеньем и теперь можешь съесть на ужин зеленые листья салата? Я медленно шла по улице за незнакомкой, которая только что сидела со мной за соседним столиком. Путь лежал мимо черного, наглухо затонированного джипа, нагло припаркованного под знаком, который запрещал даже остановку. Из него вылез мужчина весьма неспортивного вида: тощий, бледный, с синяками под глазами. Мне он не понравился. Чем? Взглядом! Незнакомец слишком пристально посмотрел на блондинку,

которая шла прямо передо мной, затем он быстро сунул руку в карман куртки, вытащил ее и поднял на уровень своих глаз. Я схватила ни о чем не подозревающую девушку, в секунду уложила ее на асфальт, кинулась к убийце, вышибла из его руки оружие, свернула доходягу в бараний рог, ткнула лицом в крыло «Мерседеса», крикнула:

– Расставил ноги, – потом вытащила из кармана наручники-стяжки, затянула их, выхватила свой мобильник и нажала кнопку SOS. Все мои действия заняли секунд тридцать.

Народу на улице почти не было, две тетушки, находившиеся неподалеку от меня, замерли. Пришлось им крикнуть:

– Все в порядке, полиция.

Блондинка на тротуаре подняла голову.

– Можете встать и отойти к стене, – скомандовала я.

Незнакомка повиновалась.

Послышался вой сирен, и около «Мерседеса», взяв его в кольцо, остановилось несколько внедорожников особых бригад. Из одного вылез Димон, из другого мой муж.

– Что случилось? – спросил последний.

– Неизвестный мужчина хотел выстрелить в девушку, – отрапортовала я, – все живы.

– Женя, займись, – велел Иван парню, который выскочил из третьего джипа. – Таня, залезай.

Супруг открыл дверь своей машины. Я поманила девушку:

– Идите сюда.

Блондинка молча приблизилась к машине.

– Здравсти. Я Алена. Меньшикова.

– Сядьте в салон, – велел Иван.

На лице юной особы появилось выражение бескрайнего удивления.

– Я Алена Меньшикова.

– Рада знакомству, Татьяна, – представилась я, – сядьте в машину.

– Объясните им скорей, кто я! – завопил тощий мужик, которого держали двое наших сотрудников.

– Я Алена Меньшикова, – повторила красавица.

Димон улыбнулся.

– Мы поняли. А я Дима. Разрешите, я вам помогу?

И прежде чем кто-либо смог произнести слово, Коробков схватил красотку, которую собирались убить, приподнял ее, заученным отточенным движением отправил в джип, захлопнул дверцу и сказал:

– Не в себе Алена, да и понятно почему. Тань, садись на переднее сиденье.

– Я поговорю пока с киллером-неудачником, – решил Иван Никифорович и направился к незнакомцу, которого трясло, как в лихорадке.

Мы с Димой сели в его машину.

– Алена, как настроение? – поинтересовался Коробков.

– Вы кто? – спросила девушка.

– Дима и Таня, – представился Коробков. – Вам повезло,

что Танюшка мимо шла. В противном случае денек мог для вас закончиться не очень хорошо. Как вы себя чувствуете?

– Нормально, – вздохнула Меньшикова. – Кто вы?

Я забеспокоилась. Мне приходится порой иметь дело с теми, на кого совершенно неудачное покушение. И до сих пор все эти люди четко делились на две группы. Одни начинали громко рыдать, истерить, требовали немедленно позвонить маме, папе, мужу, любовнику, без конца спрашивали: «Кто решил меня убить? За что?» В конце концов приезжали медики и забирали бедолагу в больницу. Другие цепене-ли, не отвечали ни на какие вопросы, сжимались в комок, даже если я просто на них смотрела, поэтому, пытаясь выяснить их имена, я отводила глаза. Безрезультатные попытки узнать паспортные данные прерывались сотрудниками «Скорой», которые быстро увозили человека, впавшего от ужаса в ступор. И никому, ни первым, ни вторым, ни разу не пришлось в голову спросить у нас: «Кто вы?»

Алена же ведет себя необычным образом. Правда, она несколько раз представилась, но делала это нормальным тоном. Сейчас сидит спокойно, и на ее лице отчетливо читается разочарование. Нет страха, непонимания, простое: «Ну надо же, что за чепуха такая?» Обычная девушка так не реагирует. Значит...

– Вы где служите? – спросила я. – В полиции? Или?...

Алена склонила голову набок, так делают наши бульдоги Мози и Роки, когда пытаются понять, что им сказали.

– Где я служу? В смысле работаю?

Димон молча кивнул.

– Бум-бум, – произнесла девушка.

Коробков кашлянул, а я подумала, что нам впервые встретилась представительница третьего вида жертв неудавшегося покушения на ее жизнь: с виду нормальная, а на самом деле совсем плохая.

– Бум-бум? – повторил Димон.

– Да, да, – подтвердила Меньшикова, – вы должны знать о нас.

Я молча слушала беседу.

– Мы очень известны, – вещала Алена, – у нас слава на весь мир.

Дима решил подыграть потерявшей разум девушке:

– Ах, «Бум-бум». Конечно. Мы с Таней вас обожаем.

Блондинка засияла улыбкой.

– Значит, я могу идти?

У меня звякнул телефон, пришло сообщение от Ивана: «Выходите. Меньшикову блокируйте в салоне».

Я открыла дверь.

– Дима, выезжаем.

– Я пойду с вами, – заявила Алена.

– Лучше оставайтесь в машине, – попросила я.

– Я не хочу, – сказала блондинка, чем снова повергла меня в удивление.

Обычно события всегда развивались наоборот: жертвы

покушения наотрез отказывались высунуться из внедорожника. Я выскочила из джипа. Димон проделал то же самое, захлопнул дверцу и нажал на брелок, послышался щелчок.

– Знакомьтесь, – сказал Иван, подходя к нам вместе с молодым человеком в джинсах и толстовке с капюшоном.

– Артем, – представился парень, – директор «Бум-бум».

Дима кашлянул, я посмотрела на Ивана.

– Артем, объясните моим людям, что происходит, – велел Иван Никифорович.

Тон его голоса оставался вежливым, но я сразу поняла: Иван здорово рассердился.

– Ну... э... мы вообще ничего плохого не хотели, – завел Артем.

Директора «Бум-бума» никак нельзя было назвать злоустом или хотя бы птицей говоруном. Парень пересыпал свою речь бесконечными «э-э-э» и «ну», мямлил, но в конце концов мне стало понятно, что случилось.

Алена Меньшикова – актриса, она снялась в главной роли в популярном сериале «Дети с кривой дороги» и пару месяцев была звездой. Блондинка ходила по разным шоу, раздавала интервью, ее приглашали на тусовки. Потом сериал закончился, а вместе с ним испарилась и слава Алены со всеми своими пряниками. Зрители и пресса стали любить исполнителей другого телемыла. Наивная Меньшикова полагала, что сейчас ее будут приглашать на съемки, режиссеры в очередь выстроятся. Но телефон молчал. Через полгода «звез-

да» впала в депрессию, и тут судьба свела ее с Артемом Войкиным, основателем и владельцем фирмы «Бум-бум».

Глава 2

Название конторы расшифровывается как «Большой Успех Мечты». Почему оно повторяется два раза? Давайте не будем задавать вопросы, ответы на которые звучат примерно так: а фиг его знает, просто красиво звучит. Артем предложил Меньшиковой сделку: она платит ему некую сумму, Тема снимает видео, которое непременно привлечет к Алене всеобщее внимание. О чадающей звезде снова заговорит пресса, загудят соцсети, режиссеры поймут, что девушка-красавица на пике интереса, и начнут наперебой зазывать ее в свои проекты. Для «улетного» видео Артем предложил темы на выбор: выход замуж за американца-миллиардера, беременность, смертельная болезнь, покушение на звезду. Меньшикова выбрала последний вариант, и сегодня Артем организовал съемочный процесс. Он нанял неудачливого актера Егора, которому предстояло сыграть наемного киллера.

– Я привык работать в условиях небольшого бюджета, – жаловался хозяин «Бум-бума», – но у Алены с деньгами просто трендец. Кого можно на фиговые бабки нанять? Только хренового исполнителя! Я нашел Егора Маскина через кинобазу. Он актер-неудачник, никому не нужен, поэтому согласился за убогие мани отпахать пару дублей.

Я терпеливо слушала стенания Артема, а тот вещал, что пришлось брать напрокат дорогую иномарку, просто разоре-

ние. Сам он, взяв на себя из экономии роль оператора, спрятался с камерой в ателье, директору которого отстегнул малую толику. Для съемок «режиссер» выбрал приличный район, но не центральную магистраль, а небольшую улицу, где не так много прохожих.

Меньшикова сидела в кафе, ждала сигнала, когда ей выходить. И довела Тему почти до нервного срыва. У него было все готово, а коза Алена трепалась с кем-то по телефону. Вот же дура, ей велели не занимать трубку. В конце концов она перестала болтать, увидела СМС, и дело завертелось. Кто мог предположить, что я приму происходящее за истинное нападение и продемонстрирую все свои многократно отточенные во время тренировок по задержанию преступников навыки? У меня просто сработал автоматизм.

– Круто, – протянул Димон, когда до него дошла истина.
– Да уж, – подхватил Иван, – Артем, вы едете с нами.
– Вы не имеете права нас задерживать, – вспыхнул Войкин.

Коробков усмехнулся.

– Наша сотрудница Сергеева доложила о том, как неизвестный мужчина целился в девушку. Вы можете сколько угодно вещать о постановочной акции, но вас никто не отпустит. Если по результатам опроса действующих лиц станет понятно, что вы не лжете, то возникнут другие вопросы. Где у вас разрешение на уличную съемку?

Димон со вкусом чихнул и продолжил:

– Вызывайте своего адвоката.

– У меня его нет, – занял идиот.

– Его вам предоставят бесплатно, – потер руки Коробков. Я исподлобья взглянула на директора «Бум-бума».

– Вы своим глупым поведением отвлекли от работы серьезных людей. Вам не десять лет, поэтому грозить пальцем вам не станут, ответите по всей строгости закона.

– Ой, не надо! – испугался Артем. – Я блогер!

– Недавно один такой, типа блогер, в магазине сумку «забыл», а из нее провода торчали, – элегически произнес Коробков. – Эвакуация супермаркета, приезд полиции, кинолог с собакой. Красивая заварушка, которую, не побоюсь этого слова, блогер на телефон снимал, вел прямой репортаж, как он стал свидетелем попытки взрыва торгового центра. В его саквояже нашли имитацию бомбы, шутника вычислили. И где он сейчас?

– Где? – испуганно повторил Тема.

Димон опять чихнул.

– На шконках в СИЗО. Поедет потом в удобном вагоне, там в купе по десять человек. Ну и придется ему заплатить за работу кинолога, саперов, возмещать убытки торговой точке.

Артем схватил меня за руку.

– Помогите! Честное слово, мы просто видео снимали. Вы деретесь прямо как Джеки Чан.

– Обижаешь, парень, – процедил Димон, – Татьяна круче.

– Я вообще ни при чем, – закричал тощий мужик, – меня наняли как актера! Сказали: «Снимаем эпизод для интернета». Обещали заплатить. Отпустите меня, пожалуйста! Я без работы давно сижу, мне еды купить не на что.

Димон посмотрел на Артема.

– Он артист?

Тот скривился.

– Егор Маскин – полный отстой, а не актер. Да, я его нанял.

– Вы с ним расплатились? – спросил Коробок.

На сей раз хозяин «Бум-бума» отрицательно покачал головой.

– Отдай ему обещанное, – велела я, – и пусть уходит.

– А я? – чуть не зарыдал Тема. – Отпустите меня, пожалуйста! Хотите, я сделаю вам бесплатную рекламу в интернете?!

Я посмотрела на мужа, Иван кивнул.

– Сматывайтесь отсюда, – велел Димон, – и более нам на глаза не попадайтесь. Блогеры!..

Я открыла дверь джипа.

– Алена, выходите.

Блондинка выпрыгнула из внедорожника и весело осведомилась:

– Еще дублик сделаем?

– Да пошла ты, – буркнул Артем, который как раз протягивал тощему актеру купюру.

– Че не так? – удивилась Меньшикова.

– Только то, что ты коза без мозгов, – нежно ответил владелец «Бум-бума», сел в свою машину и уехал.

– Сам идиот! – выкрикнула ему вслед Алена и встала на дороге с поднятой рукой.

Актер пошел мимо меня, причитая:

– Жить не хочется, везде облом! Все плохо. Знаю теперь, что делать, знаю.

Я молча села в джип, свернула в переулок, через пару секунд въехала в подземный паркинг, увидела, что Иван и Дима ухитрились прибыть раньше меня, и поднялась в свой кабинет, ругая себя за то, что не поняла, что покушение на блондинку инсценировка. А как мне разобраться в происходящем? У тощего мужика был пистолет, он целился в девушку. Хотя... Наемные киллеры не используют дорогие, новые машины. Чаще всего они ездят в незаметных иномарках средней ценовой категории, таких на дорогах тучи.

Минут через пятнадцать муж позвал меня к себе.

В переговорной у Ивана Никифоровича сидели Димон и худенькая девушка.

– Прекрасно, все в сборе, – кивнул Иван, – знакомьтесь, Полина Правкина.

Незнакомка добавила:

– Моя настоящая фамилия Заикина. Я Полина Петровна. Но в паспорте иначе указано.

– Вы дочь Пети? – вдруг спросил Дима.

– Да, – коротко ответила посетительница.

– Господи, я думал, что Поля еще маленькая! – воскликнул Коробков.

– Папу давно убили, – сказала Правкина. – Дети имеют обыкновение вырастать. Простите, вы, наверное, Коробков? Дмитрий... Отчества не знаю.

– И не надо, – отмахнулся Коробков, который любит, когда его называют по имени. – Мужчина в кресле – Иван Никифорович, около него Татьяна. Рассказывайте, что случилось?

– Я окончила школу, – начала Полина, – получила аттестат в восемнадцать лет, потому что... Из-за... ну вы, наверное, помните ту историю. Когда все случилось, мне исполнилось двенадцать. Я очень переживала... голова болела постоянно, температура то поднималась, то падала, я пропустила много месяцев в школе, отстала, меня оставили на второй год. Потом я взяла себя в руки и получила аттестат. Поступила в институт. Пришла сегодня за помощью. Пожалуйста, не прогоняйте меня. Вы должны меня поддержать! Я вам не чужая!

Девушка сложила руки на груди.

– Дмитрий и Иван Никифорович знают предысторию. Татьяна, вы, наверное, не в курсе. Мой отец, Петр Заикин, стал сотрудником одной из первых бригад. Они с Коробковым дружили, они считали себя членами одной семьи. Потом создали еще одну бригаду, папа ее возглавил. Дима остался в первой, общаться они стали реже, потому что все время работали. Прошло время, и отец исчез, а вместе с ним пропали

все материалы по делу Валерия Кругликова.

– Улики, – поправил Димон. – Валерий Кругликов – сын известного советского актера, мальчик из богатой и знаменитой семьи. Папаша его был кумиром советских женщин. Мать – оперная певица мирового класса, разъезжала по разным странам мира. Для нее в советские времена границы всегда были открыты. Роскошная женщина, вся в бриллиантах, соболях, настоящая аристократка. В семье был один сын Валерий. Когда стартовали неприятные события, у него была своя квартира, машина, он окончил университет, издавал газету «Слухи». Успешен, богат, хорош собой, прекрасно одет. В перспективе наследник всего имущества родителей, а старшие Кругликовы, в отличие от основной массы населения нашей страны, в перестройку не обнищали, своего образа жизни не изменили. Певицу с распростертыми объятиями ждали и в Европе, и в США. Отец, правда, перестал сниматься и быстро умер, но денег, которые приносила мать, с лихвой хватало на безбедное существование ее и сына. Да и газета Валерия, которая захлеб пересказывала сплетни всех мастей, в доинтернет-эпоху пользовалась огромной популярностью. Возможно, что и у Кругликовых случались беды, но рыдать в «Бентли» приятнее, чем в маршрутке. И вдруг вокруг Валерия стали сгущаться ну очень черные тучи.

Глава 3

Димон побарабанил пальцами по столу.

– Анна Юрьевна, мать Валерия, пришла к нам в состоянии крайнего негодования. Ее сына, наследного принца, пригласили в отделение и стали расспрашивать о юной особе, которую тот никогда не знал.

– Только представьте, – возмущалась певица, – следователь сделал прозрачный намек на то, что Валерий убийца. Бог мой! Это нонсенс! Якобы к нему пришла баба с заявлением, что мой сын безуспешно добивался близости от ее несовершеннолетней дочери. А когда та отвергла ухажера, он убил ее и спрятал тело.

Покраснев от злости, Анна положила на стол перед Иваном два фото.

– Слева Люсенька, невеста Валерика. Ей девятнадцать лет, владеет тремя языками, студентка МГУ, имеет двухкомнатную квартиру на Арбате. В одном подъезде с ней в намного больших апартаментах проживают ее родители. Нука, скажите, Люся хороша собой?

– Очень, – согласился Иван.

– Плюс умница, с деньгами, родом из достойной семьи, – добавила Кругликова, – а вот вам фото малолетней девицы. Вся в прыщах, за плечами семь классов, репутация у нее самая дурная: пьет, курит, таскается по мужикам. Отца нет, и

кто он, никто не знает. Мать проститутка, алкоголичка. Живет в бараке на краю мира. Как вам сия юная прелестница?

— Гадкий утенок пока, — деликатно ответил Иван Никифорович.

— Вы бы кого в жены выбрали? — закричала Анна. — Это уродливое, нищее, глупое создание, которое говорит «ложить» и «покласть», никогда не заинтересует Валерика. Да он только посмотрит на любую девушку, и та к нему побежит. Зачем моему сыну это?!

Певица начала яростно тыкать пальцем в фото школьницы.

— Расчет ясен! Алкоголичка и следовательно — мошенники. Они ждут, что Кругликовы отсчитают им круглую сумму за молчание. Ан нет! Найдите того, кто убил девчонку. Уверена, что это кто-то из ее дружков.

Иван пообещал разобраться, бригада занялась делом, и сначала все собранные сведения говорили о том, что Анна Юрьевна не ошибается. Сотрудник милиции и мамаша, которая принесла ему заявление, были хорошо знакомы. У следователя был долг по кредиту. У Заикина, который занимался этим делом, возникло предположение, что пропавшая девица жива, она спряталась в деревне у тетки. Налицо был сговор с целью получения денег от певицы.

Анне Юрьевне рассказали, как обстоит дело, она рассыпалась в благодарностях, и конец делу. Но! Имя Валерия неожиданно всплыло еще раз, уже при других обстоятель-

ствах, которые не имели отношения к несовершеннолетней красавице. Петр тогда сказал на совещании:

– Трудно поверить, но у Кругликова рыльце в пуху по уши. Речь идет о серийных убийствах.

Был собран большой материал, обнаружены улики, у Ивана Никифоровича не осталось сомнений, что Валерий – ма-
ньяк, скорей всего, он человек с пошатнувшейся психикой. Анне Юрьевне показали все материалы. Певица восприняла новость на удивление спокойно.

– Понимаю, вас подкупили мои недруги. Знаю, знаю, кто постарался. Прощайте, я деньги вам заплатила! Хотите еще? Получите!

Дама швырнула на стол Ивану пачку купюр.

– А те, кто, узнав от вас про то, что фокус с девчонкой не удался, решили заработать другим способом, ничего не получат.

Гордо вскинув голову, певица удалилась.

Иван Никифорович велел Петру продолжать работать над делом сына оперной дивы. Деньги, которые ему дала Анна Юрьевна, основатель особых бригад вернул певице. Он не собирался оставлять на свободе парня, который развлекается, лишая женщин жизни, но хотел сначала на сто процентов убедиться в том, что его сотрудники не ошибаются. И лишь потом передать весь собранный материал следователю, который занимался серийными убийствами.

Заикин продолжил свою работу, но в один отнюдь не пре-

красный день Петр не появился в офисе. Сначала никто не забеспокоился, потому что он предупредил, что пойдет к дантисту, но на следующий день Коробков стал искать его и понял, что Петра никто не видел после того, как он вчера днем куда-то уехал. Димон стал звонить ему на мобильный, тот оказался отключен, а это сотрудникам особых бригад запрещено. Работник любого ранга обязан всегда оставаться на связи. Дома трубку никто не снимал.

Димон развел руками.

– Я встревожился, поехал к Пете, долго звонил в дверь, никто не реагировал. Пришлось вскрыть створку. Никого. В квартире полный порядок. Ничего не раскидано, следов борьбы нет. Вещи вроде на месте. Но все ли они, я не знал. В холодильнике есть еда.

Коробков потер затылок.

– Я развел активность, выяснил, что Полина, дочь Пети и Анжелики, не пришла утром в школу. Педагоги не дернулись, классная руководительница решила, что девочка заболела. Но я уже понял – дело плохо, надо искать семью. В тот момент у меня и тени мысли о том, что Петр сбежал, не было. Я стал вспоминать, кто на него зуб точил. Признаюсь, растерялся на некоторое время. Вернулся в офис, гляжу – Иван чернее грозовой тучи. Лицо такое, что краше в гроб кладут. Он мне сообщил, что вчера Заикин взял коробку с уликами по делу Кругликова. Сейчас ее искали у него в кабинете и не нашли. В сейфе вообще ничего нет. Ну и что мы подумали?

Иван начал вертеть в пальцах ручку.

– Мы решили, что Кругликова подкупила Заикина, тот получил большую сумму денег и сбежал вместе с семьей.

– Здорово, – не удержалась Полина, – обвинили человека просто так.

– У нас были веские основания для таких мыслей, – возразил Коробков, – я понимаю, Поля, что тебе неприятно это слышать, но улики-то пропали. Унес их точно Петр. Ну а потом мы нашли останки, которые могли принадлежать Петру Заикину.

– И точно! – вступил в разговор Иван. – Состояние тела позволяло его опознать. Но и с помощью ДНК мы выяснили – перед нами то, что осталось от Пети.

– Ну и что? – с вызовом спросила Полина. – Вы искали убийцу моего папы?

– Да, – коротко ответил Иван.

– Успешно? – спросила молодая женщина.

– Нет, – ответил Димон, – история, которую мы вспоминаем, – единственный сокрушительный наш провал, что случилось с Петром, неизвестно. Валерий Кругликов и Анна Юрьевна улетели за границу. Лику, вдову Заикина, и его дочь тоже не нашли. У нас была рабочая версия. Анна Юрьевна решила спасти своего драгоценного сына-маньяка от пожизненного заключения. Скорей всего, адвокат подсказал ей, что без улик суд дело не примет. Певица предложила Петру такую сумму, от которой он не смог отказаться. Заи-

кин вынес улики и отдал их мамаше преступника. Та схватила сынулю и умчалась за границу. Благо у нее есть дома в разных странах мира, а голос Анны по-прежнему прекрасно звучит. Петр, Анжелика и Полина где-то спрятались. Но когда нашли тело главы семьи, то решили, что жена и дочь навряд ли живы.

– И вы засунули дело в архив, выдохнули, наняли другого человека и забыли эту историю, – покраснела Полина, – а тут я! Привидение явилось!

– Ты имеешь право сердиться, – произнес Димон, – но мы помним об исчезновении Петра и его родных. За все время существования бригад произошел только один такой форс-мажор. Мы искали и тебя, и Анжелику. Но вы обе как в воду канули.

Димон замолчал.

– Меня мама отдала в столичный интернат, – пояснила Полина.

– Интернат? – удивленно повторила я.

– И что? – вспыхнула Правкина. – Почему столько изумления?

– Необычное решение, – объяснила я. – А сама-то она куда делась?

Полина поджала губы.

Димон взял девушку за руку.

– Не злись. Ты пришла сюда за помощью, так?

Посетительница молча кивнула.

– Наверное, тебе поменяли фамилию, год рождения, вписали в документы имена не твоих родителей, а посторонних людей, – продолжал Коробков. – Я не ошибся?

– Мы сбежали, – уже другим тоном сказала девушка, – нашли бы и ее, и меня. Вместе жить в этом случае опасно. Не знаю, как мамуля все организовала. Меня при рождении назвали Аполлинарией, но я откликалась на Полину. Те, кто хотел нас обнаружить, искали бы Аполлинарию и Анжелику Заикиных. А в интернате учится Полина Правкина, чьи родители работают за границей. Меня не в государственный приют определили, а в частное заведение, дорогое, тщательно от посторонних закрытое.

– Мать тоже документы поменяла? – предположила я.

Полина опустила голову.

– Я ничего не знаю о ней!

– Странно, – удивился Дима. – Анжелика с тобой общается?

– Нет, – после короткой паузы ответила Полина.

– А теперь объясни, по какой причине ты к нам пришла? – спросил Иван Никифорович.

– У меня есть деньги, – начала девушка, – немного, но есть. Сама их заработала. Вот такая я!

– Ну так и лет тебе уже не двенадцать, пора себя самой обеспечивать, – бестактно заметил Димон, – хотя у современной молодежи другие мысли: если родители не содержат тебя до пенсии, то они сволочи.

– Я не такая! – взвилась Полина. – Хочу знать, что случилось с моим папой! И где мама?

Иван с Димоном молчали.

– Ау, вы заснули? – спросила девушка. – Очнитесь. Во-первых, у меня есть деньги, я выгодный клиент. Во-вторых, вы перестали тогда заниматься расследованием и в долгу передо мной! В-третьих! Откажетесь мне помочь, я все расскажу прессе! Все! Как вы сексуального маньяка, который женщин убивал, упустили!

– Пугать нас – пустое занятие, – заметил Димон, – уж мы пуганы многократно. И если хочешь, чтобы мы тебе помогли, не лезь в бутылку.

У Полины зазвонил телефон.

– Да, – зло рявкнула она в трубку, – сиди, жди, скоро выйду.

– Ты приехала к нам не одна? – сообразил Коробков.

Глава 4

– С подругой, – буркнула Правкина, – она меня привезла, я безлошадная, не купила пока автомобиля. В кредит брать не желаю! Денег на колеса накопила, но отдам бабки вам. Ну, так как?

– Нам надо подумать, – ответил Иван Никифорович.

– Не хотите заниматься делом, потому что боитесь, что вылезут ваши прошлые косяки? – прищурилась Полина.

Димон и Иван невозмутимо смотрели на Правкину.

– Молчите? – засмеялась та. – И правильно. У папы был архив.

– Архив? – удивленно повторил Коробков.

– Ага, – ехидно подтвердила девица-красавица, – там про каждого из вас много чего интересного есть. Давайте работайте. Не хотите? Спорить не стану. Просто солью записи отца в прессу. Так и вам плохо будет!

– Начинать отношения с шантажа, на мой взгляд, неправильно, – вступила я в беседу, – и сомнительно, что вы обладаете некоей, как вам кажется, компрометирующей информацией на всех, кто сейчас присутствует при разговоре.

– Да! На каждого! – топнула ногой посетительница. – Папа молодец! Жизнь переменчива, сегодня друзья, завтра враги, хочешь мира – готовься к войне. Он собрал много разного.

По лицу моего мужа пробежала тень.

– И на меня тоже папочка заведена? – уточнила я.

Полина осеклась.

– Думаю, что нет, – продолжила я, – в те годы, когда Петр Заикин работал в бригаде, я и подумать не могла, что окажусь здесь на службе. Значит, на меня, Сергееву, у вас бочки с дерьмом нет.

– Лучше начинайте работать, – распорядилась Правкина.

– Мы подумаем, – повторил Иван, – оставь свой телефон Татьяне, она позвонит, сообщит тебе о нашем решении.

– Вы очень горько пожалеете о том, что беседовали со мной в таком тоне! – перешла в верхний регистр нахалка.

Мне надоело слушать девицу.

– Думать Иван Никифорович будет не над тем, вытаскивать ли ему из архива дело Заикина или закопать его поглубже и залить могилу цементом.

– А над чем? – по-детски удивилась Полина.

– Над тем, какие монстры могут вылезти в процессе расследования, – объяснила я, – вполне вероятно, что выяснятся весьма неприятные для вас сведения. Вы сейчас заявили: «Хочу знать, что случилось с моим папой». Но вы уже слышали от нас: Петра убили, его тело обнаружено. А вот ваша мать исчезла без следа, сдав вас в интернат и перестав общаться с вами. Деньги, которые Заикин предположительно от Анны Юрьевны получил, нашли?

– Нет, – коротко ответил Димон.

Я в упор посмотрела на Полину.

– Иван Никифорович не хочет, чтобы вас убила правда. Возможно, Анжелика лишила жизни мужа из-за денег, которые тот получил. Никто из нас не хочет, чтобы вы всю оставшуюся жизнь провели, задавая себе вопрос: «Зачем я решила разрыть эту могилу?»

– Неплохая попытка запугать меня. Но это не сработает. У вас час на принятие решения, – выдвинула свое условие Полина и положила на стол визитку. – Жду звонка. Иван, Дмитрий, вы когда-то работали с моим папой, только поэтому я сейчас сижу в этом кабинете, а не в другом, хозяин которого в секунду начнет расследование. Из элементарной порядочности я обратилась к вам. Кстати! Записи папы надежно спрятаны, не стоит громить мою квартиру в их поисках.

Полина встала, пошла к двери, обернулась и повторила:

– Один час. На кону ваша репутация, доброе имя, семейное счастье и финансовое благополучие.

Дверь хлопнула, девица удалилась.

Димон нажал кнопку в столе Ивана.

– Андрей, в приемную сейчас выйдет молодая женщина, вызови охрану, чтобы ее довели до выхода. Да, как всех, на лифте, который идет без остановок на других этажах. Будь настороже. Не отпускай ее в туалет, если она туда пойдет, скажи, что у нас засор. Пусть в любом кафе сортиром воспользуется.

– Быстро она из милой девочки превратилась в умелую шантажистку, – отметила я.

– Что ей надо? – протянул Иван.

– Найти убийцу отца, – ответила я.

– Через столько лет? – хмыкнул Димон.

– Ей было двенадцать, когда Петр погиб, – напомнила я, – сейчас она выросла и решила осуществить свою мечту.

Иван встал и начал ходить по кабинету.

– Я Петю знал с первого курса, мы в одной группе учились. Он всем говорил, что его родители умерли. В гости к себе никого не звал. У него водились деньги, что странно для студента. А я очень не хотел сидеть на шее у родителей. Отец и мать всегда поддерживали меня, в отличие от многих сокурсников, я всегда был сыт, хорошо одет, не задумывался, где взять деньги, чтобы повести девушку в кино, а потом в кафе мороженым угостить. Но на втором году обучения мне стало стыдно. Большинство ребят пытались где-то подработать. Сейчас с этим легко, любая сетевая харчевня с радостью берет студентов, в интернете работать. Не стану перечислять, вы сами все знаете. Но во времена моего посещения alma mater все было иначе. Единственное, куда я смог устроиться, – это разгружать вагоны на вокзалах. Но работать по ночам грузчиком не очень хотелось. Да и Рина точно догадалась бы, что ее сыночек затеял, в результате я получил бы от матери на орехи. В конце концов я подошел к Пете и попросил:

– Понимаю, что ты где-то работаешь. Подробностей не спрашиваю, но, если там, где ты пристроился, понадобятся

сотрудники, порекомендуй меня.

Заикин ответил:

– Вань! Мне от бабки досталась кооперативная квартира. Я прописан в родительских апартаментах, но есть еще жилье неподалеку, тоже в центре, я его сдаю. Отсюда и финансовое благополучие.

Я очень удивился:

– А что, можно иметь две квартиры?

Петя усмехнулся.

– Теперь да, новые времена настали. Да и раньше были возможности закон обойти. Мой отец вторые апартаменты на бабушку оформил. Я бы помог тебе с работой, но сам получаю деньги от арендатора.

После окончания института мы с ним не виделись. Встретились, когда первая бригада собиралась. У меня было около двадцати претендентов. Я просматривал анкеты. Ба! Заикин! Документы у него оказались идеальными. Москвич, высшее образование, родители давно умерли, служба в милиции, жилье в столице есть, женат, у него маленькая дочь. Никаких замечаний по работе. Мы с ним встретились, обнялись, я спросил:

– Петя, а почему ты из своего отдела уходишь?

Он не стал лукавить.

– Плохо у нас, Ваня. Выметают всех разом, без разбора. Пришло новое начальство, набирает своих. Меня пока не трогают, но стул подо мной шатается.

Я его взял. Про жену Петра мало что знаю, но вопросов к ней после проверки не было. Все вроде было хорошо, работал он без косяков, а потом пропал.

– Досье он собирал, – пробормотал Димон, – вот же мерзавец!

– Предусмотрительный тип, – возразила я, – вдруг что не так пойдет, а у него есть подушка безопасности. Или сам коллег шантажировать будет, или продаст информацию.

– До того, пока его дочь не сообщила о «секретных материалах», я считал Петра порядочным мужиком, которого убили из-за дела Кругликова, – признался Иван, – не верил, что Заикин мог унести улики. Думал, что его подставили.

– Я тоже так полагал, – кивнул Димон, – преступники надеялись, что виновным в похищении вещественных доказательств посчитают Заикина, и не ошиблись, а чтобы правда не открылась, его убили. Но потом ситуация стала выглядеть иначе. Петр точно взял улики.

– И это очень плохо, – подвела я итог.

– На Пете клеймо преступника, – поморщился Коробков, – но мне до сих пор не верится, что он виновен.

– Если не Заикин украл, то кто? – спросила я. – Возможно, был другой преступник?

Иван посмотрел на Диму, тот отвернулся к стене.

– Петр погиб в сложный для бригад момент. Реорганизация, создание новых структур, сотрудников не хватало. Но мы искали убийцу Заикина. Долго, упорно не хотели призна-

вать, что Петр пошел на преступление. Но все пути завели нас в тупик. Мы проверили каждого члена коллектива. Никто не мог спереть то, что доказывало: Валерий Кругликов – серийный маньяк. Более того, все следы вели к Заикину, но он был мертв.

– Убит, – поправил Иван, – причем сразу после своего исчезновения. Я до сих пор думаю, что Петю похитили, чтобы свалить на него преступление. Но мы не смогли найти ни тех, кто лишил жизни Заикина, ни тех, кто украл собранные материалы. Каких только версий не было! Петр взял улики из хранилища, расписался за них. Может, нарушив инструкции, он оставил коробку на столе, а когда отошел, ее украли. Заикин испугался, решил сам найти вора, вычислил его и был убит. Много чего мы думали.

– Возможно, вдова Петра была в курсе, – предположила я.

– Почему ты так считаешь? – полюбопытствовал Димон. – И отчего говоришь об Анжелике в прошедшем времени?

– Она устроила дочку под другим именем в интернат, – объяснила я, – нестандартное решение для матери двенадцатилетнего ребенка. Но женщина понимала, что ей необходимо спрятаться, их ведь могут найти. Поэтому Полина очутилась в приюте. В комфортабельном учреждении, но там рядом нет родной мамы. На такой шаг любящая мать пойдет лишь в том случае, если ребенку угрожает смертельная опасность, а сама она где-то скрылась. Прошли годы, девочка выросла, а мать так и не объявилась. Возможно, она давно

мертва.

Мы продолжали разговор о Заикине, потом перешли к текущим делам. В разгар совещания в комнату заглянул Андрей, новый секретарь Ивана.

– Простите, если помешал. Но в приемной сейчас находится Полина Правкина.

– Она не ушла? – удивился Коробков.

– Почему ты не проводил ее вниз? – нахмурился Иван Никифорович.

Андрей ввинтился в помещение, плотно закрыл дверь и зашептал:

– Я довел ее до дверей, видел, как она пошла по улице к машине. А сейчас позвонили с ресепшен первого этажа, у них появилась девушка, вся трясется, назвалась Полиной Правкиной, просит вас ее принять. Но это не она.

– Кто не она? – опешила я.

– Правкина, которая в приемной, – не та Правкина, которая с вами недавно встречалась, – сообщил Андрей, – я спускался, видел ее.

Глава 5

– Вы Полина? – осведомился Иван, когда миловидная блондинка села в кресло.

Посетительница кивнула.

– От нас недавно ушла Полина Правкина, но это определенно не вы, – заметила я. – Если бы вы представились Таней Кузнецовой, еще ладно. Но Правкина – не распространенная фамилия.

– Это я, – прошептала девушка, – я Полина Правкина, Анфиса умерла.

– Кто такая Анфиса? Предъявите паспорт, – одновременно сказали мы с Димоном.

Девушка вынула из сумочки документ и положила на стол.

– Анфиса с вами разговаривала. И умерла. Только что. Помогите.

Димон застучал по клавишам своего ноутбука, а Иван попытался разобраться в ситуации, и я услышала интересный диалог:

– Вы Полина?

– Да.

– Дочь Петра Заикина?

– Да.

– Вы хотите отыскать убийц своего отца?

– Нет.

Я устала на девушку.

– Нет? – уточнил Иван Никифорович.

– Что изменится, если я выясню их имена? – прошептала посетительница. – Эта идея принадлежала Анфисе. Ей хотелось все выяснить.

– Это она приходила к нам?

– Да.

– С вашим паспортом?

– Да.

В лице Ивана Никифоровича ничего не дрогнуло, но я поняла, что муж уже мысленно уволил всех сотрудников ресепшен первого этажа. Ну да, многие молодые девушки выглядят одинаково. Прически, цвет волос, форма бровей, губы – все у них идентично. И Полина, которая находится перед нами, – просто родная сестра той, что недавно покинула кабинет. Девушки очень похожи. Даже щурятся и руки держат одинаково. Но ведь они не близнецы! Сотрудника, который впустил в здание человека с чужим паспортом, надо лишить работы.

– Кто такая Анфиса? – задал Иван вопрос, который вертелся у меня на языке, и услышал в ответ:

– Дочка Сергея Петровича.

– А теперь поясните, кто он такой, – терпеливо продолжил беседу мой муж.

– Секретарь моего папы, – прошептала Полина.

Иван сидел с невозмутимым выражением лица, но он, так

же как и я, прекрасно знал, что у Заикина не было секретаря. Даже у начальников бригад их нет, да и зачем лишние люди в коллективе? На каждом этаже в холле у лифта за столом сидит молодой человек. В его задачу входит встретить посетителя, который вышел из кабинки, отвести его в переговорную, подать чай, кофе, печенье-конфеты. А потом проводить человека до выхода. Но секретарей никому не нанимали.

– Сергей Петрович, – протянул Димон. – А как его фамилия?

– Анфиса Кривкина, наверное, она на отца записана, – предположила клиентка. – Простите... э... э... здесь есть... э... э...

– Туалет? – предположила я.

Полина кивнула.

Когда Андрей повел гостью в дамскую комнату. Коробков отрапортовал:

– На соседней улице в кафе, в паре шагов от того места, где сегодня Таня киллера обезвредила, обнаружен женский труп. Кривкин Сергей Петрович во времена Заикина у нас не работал.

– Интересно, – проговорил Иван. – Что мы делать будем?

– Не нравится мне эта история, – протянул Коробков, – в голову приходит пословица: «Не буди лихо, пока оно тихо!»

– Тихо у нас было до визита Полины, – сказал мой муж, – а сейчас очень даже лихо.

– Почему Правкина подослала к нам Анфису? – удивля-

лась я. – Зачем понадобился этот цирк с маскарадом?

И тут в кабинет вернулась настоящая Полина.

– По какой причине вы отправили сюда Кривкину? – спросил Иван Никифорович.

Полина села в кресло и ничего не ответила.

– Кто вам сказал, что Анфиса умерла? – подключился к разговору Димон.

– Я сидела в машине около кафе, – еле слышно заговорила Полина, – с парковкой оказалось сложно, только там свободное место нашлось. Я ждала, когда Фиса вернется. Она вышла из вашего здания, но в автомобиль не села, позвонила мне, сказала: «Давай перекусим? Расскажу о разговоре с детективами. Сейчас посмотрю, какое меню в кафе, если приличное, устроимся там. Если нет, поищем другое».

И вошла в кафе, а я вынула косметичку. Не хотелось на люди с ненакрашенными глазами идти. Макияж я всегда медленно делаю, аккуратно, когда закончила, опустила стекло в дверце...

Полина всхлипнула и прижала руки к груди.

– Смотрю, из кафе мужчина выбежал, почему-то с чашкой в руке, и к метро галопом. Я удивилась, начала Анфисе звонить. Она не отвечает. Правда странно? Я пошла в кафешку. Смотрю, Фиса сидит за столом, вернее, она на нем лежит лицом вниз. Бармен за стойкой стоит с телефоном. Он меня увидел и заявил:

– Мы не работаем. Уходите.

Но я направилась к Анфисе. Он трубку бросил и кинулся ко мне, нагло схватил за плечи.

– Сказал вам уже. Закрыто.

Я возмутилась:

– Немедленно отойдите! Здесь моя подруга.

Он меня не отпустил.

– Девушка за столиком вам знакома?

Хороший вопрос после того, как я объяснила, что Анфиса и я подруги. Я кивнула просто. Бармен меня силой к стойке оттащил.

– Не уходите. Вызывайте полицию.

Я испугалась.

– Ей плохо? Тогда нужна «Скорая».

Бармен заявил:

– Врачи трупы не лечат, она скончалась.

Я жутко испугалась. Хотела убежать, но ноги отнялись. Стояла столбом, потом бармен из зала вышел, а меня словно стукнули, я побежала к вам.

– Так, – протянул Димон, – теперь объясните, почему вы отправили к нам свою приятельницу?

Полина съежилась.

– У меня проблемы с общением. Стесняюсь очень. Зубы кривые, поэтому я разговариваю так, чтобы их не было видно.

– Экая печаль, – хмыкнул Димон, – у меня половины клыков нет, вставил импланты, и нормуль. Вы честно рассказы-

вайте, не придумывайте фигню.

Полина улыбнулась во весь рот.

– Видите?

– Зубы как зубы, – констатировала я, – ну не идеальные. А у кого они от рождения такие?

– Вам все равно, что вы живете со страшными челюстями, – вздохнула Правкина, – а я комплекую.

– Хорошо, пока мы примем ваше объяснение, – остановил дискуссию Иван. – Анфиса явилась к нам, потому что вы стеснительная.

Полина кивнула.

– Да. Но сейчас, когда ее убили...

– Почему сразу «убили»? – спросила я. – У мгновенной смерти бывают разные причины, например оторвался тромб.

Полина опустила голову.

– Когда меня определяли в интернат, мама сказала: «За нами идет охота. Папу убили, мы следующие на очереди, поэтому я спрячу тебя, как могу». Вот. Понимаете?

– Не совсем, – призналась я, – можно уехать с дочкой из столицы, поменять паспорт и жить припеваючи в далекой деревне. Но ваша мать вас оставила в интернате.

Полина поежилась.

– Когда я узнала о приюте, то стала плакать, просить: «Мамочка, давай улетим вместе куда-нибудь подальше». Она ответила: «В „подальше“ ты образования не получишь, там будет деревенская школа, после ее окончания нечего и думать

об университете. В интернате же ты получишь необходимые знания. В большом городе человек как невидимка. На селе же он на виду. Вместе нам сейчас жить опасно».

Полина замолчала.

– Вы с мамой встречаетесь, общаетесь? – продолжила я беседу на неприятную тему.

– Нет, – вздохнула Полина. – Извините, мне не очень хорошо, трясет. Можно здесь где-то отдохнуть? Я попробую все рассказать, но сейчас...

Правкина сделала судорожный вдох и начала крениться набок. Димон вскочил и успел подхватить девушку до того, как она свалилась с кресла.

Глава 6

– Танюшик, – заговорщицки зашептала Рина, – хорошо, что ты вернулась домой одна. Есть дело. Надо обсудить, посоветоваться.

Я с трудом сдержала улыбку. Не знаю, почему добрый боженька послал мне такого мужа, как Иван. Подозреваю, что господь предназначил его для другой Тани Сергеевой: умной, стройной, красивой, хорошей хозяйки, которая родит супругу троих детей. Но в небесной канцелярии случилась ошибка, и Иван достался мне, тоже Тане Сергеевой, но не особенно сообразительной, толстой, непривлекательной, неприспособленной к ведению домашнего хозяйства. Я не умею сварить макароны, они у меня выходят или жесткими, или кашеобразными. Ну и детей у меня нет. Но Иван Никифорович определенно носит волшебные очки, сквозь которые видит меня прекрасной со всех сторон. А я пребываю в недоумении: почему мне так повезло?

Чтобы я не переела сладкого, боженька должен был «наградить» меня свекровью, помесью циркулярной пилы и зуды с подзаводом, бабой, которая будет вещать на всех углах о том, какая у нее отвратительная невестка размером с корову... Но вместе с Иваном в мою жизнь вошла Рина. Понятия не имею, какой год рождения указан у Ирины Леонидовны в паспорте. Да и зачем заглядывать в него, если и так ясно: Ри-

не одиннадцать, она веселая, смешливая, задорная девочка. Только не подумайте, что мать моего мужа – инфантильная особа. Нет, в ней самым невероятным образом сочетаются детскость и взрослость. Рина умная, добрая, всегда говорит о людях только хорошее. Она болтушка, но умеет держать язык за зубами, готовит так, что я стараюсь не есть нигде, кроме дома. А еще Ирина Леонидовна никогда не делает мне замечаний и всегда поддерживает меня.

– Ну очень нужен совет, – тараторила Рина, – прямо позарез. У тебя есть хоть какая-то дальняя родня?

– Вроде нет, – ответила я.

– Есть! – подпрыгнула мать Ивана. – Просто вы сто лет не общались! И вот радость! Сегодня пятиюродная племянница шурина деверя третьей жены четвертого брата твоего папы приехала в Москву!

– А-а-а, – протянула я, – есть такая.

– Молодая, очаровательная, воспитанная девушка из глубинки необъятной России, – подсказала Рина. – Вместе с ней...

И тут раздался звонок в дверь.

– Она! – прошептала Рина. – Танюша, ты все поняла?

– Конечно, – кивнула я, – Ивану не надо знать, что девушка к вам приехала. Она моя родня, свалилась мне на голову без предупреждения.

– Нашу семью Ваня до Адама и Евы знает. Он даже родословную составлял, нанимал ученого. А у тебя могут быть

всякие дальние по кривой линии, – тараторила свекровь.

Звонок повторился, мы поспешили в прихожую, Рина распахнула дверь и воскликнула:

– Ой! Это ты!

– Здравсти, – произнесла Нинель Михайловна, соседка с верхнего этажа. – Какой подъемник вы хотите?

– Что? – хором спросили мы.

– Кого и куда нам надо поднимать? – уточнила мать Ивана.

– Вы не в курсе, что в подъезде любимый всеми, наш наилучший друг лифт умер? – сменила тему нежданная гостья.

– Нет, – ответила я.

Нинель схватилась за стену.

– Ты у нас новенькая! Не наша, кровная, подъездная. А у меня с Гаврилой Гаврилычем столько связано. Он так мне помогал! Любил маленькую Нинельку, ни разу меня не подвел. Безотказный Гаврила Гаврилович! Когда я узнала, что он скончался... Рыдала неделю! До сих пор гляжу на дверь, слезы из глаз текут. Ой, мне плохо! Воды!

Мы с Риной бодрой рысью кинулись в кухню.

– В какой квартире жил Гаврила Гаврилович? – спросила я у Риной.

Свекровь в это время наливала в стакан минеральную воду.

– Впервые про него слышу.

– Фамилия редкая, – вздохнула я, – Лифт. Судя по тому, что говорила Нинель, вспоминала, как он любил ее малень-

кую, Гаврила Гаврилович скончался в преклонном возрасте. Сколько лет соседке?

– По виду триста, – заявила Рина, – по характеру все пятьсот, у нее менталитет Ксантиппы, жены Сократа ¹. Сия дамочка ухитрилась здорово испортить жизнь великого философа. Ну почему умный мужик женился на сварливой бабе? Точный возраст Нинельки никому не известен. И если она еще раз скажет про то, что ты «не родная подъездная», я живо напомню, как Игорь, будущий муж, ее домой привел, невестой назвал, а его отец взял швабру, потряс ею и заорал: «Сынок, лучше на „ленивке“ женись, чем на этой особе. У нее на морде лица написано: стерва с большими запросами». Нинель в наш дом въехала после свадьбы, маленькой она тут не жила. А насчет странных фамилий – у Вани в классе была Лошадь.

Я пришла в восторг:

– Скаковая? И как она там поместилась?

Ирина Леонидовна округлила глаза.

– Это была девочка. Рита Лошадь. Фамилия такая.

Мы вышли в коридор, Нинель выхватила у Ирины Леонидовны стакан, залпом осушила его и скривилась.

– Что ты принесла?

– Воду, – удивилась мать Ивана, – ты же пить просила. А почему спрашиваешь?

---

¹ Ксантиппа – жена древнегреческого философа Сократа. Ее имя стало синонимом сварливой жены, которая превращает жизнь мужа в ад.

– В детстве мы с подругами в деревне бегали на родник, – стала рассказывать Нинель, – а потом у бабушки Лены Ивановой поселился дачник, кандидат наук. Он сказал, что в источнике мертвая вода! Научил нас ее оживлять. Ты употребляешь мертвую воду, меня сейчас от нее аж передернуло.

Рина приоткрыла рот.

– Вода из бутылки «Роса Москвы», – поспешила уточнить я, – вы такую же в супермаркете покупаете, я видела, как домой несете упаковки.

– Да, – согласилась соседка, – но я ее потом оживляю методом батарейной проволоки. Вы готовы вернуть Гаврилу Гаврилыча?

– Откуда? – спросила Рина. – Если с того света, то даже при самом горячем желании это не получится.

– Ошибаешься, дорогая, – оживилась Нинель, – я уже договорилась. Правда, цена не детская. И поскольку речь идет о возврате нашего самого любимого друга, бремя оплаты ложится на наши плечи! Понимаешь?

– Нет, – ответила я вместо Риной. – Нинель Михайловна, я понимаю, что вы очень расстроены...

– Что? – возмутилась соседка. – Расстроена? Деточка! Я убита горем, раздавлена, превращена в обломки, меня уничтожили как личность! Нет ни малейшего желания входить в подъезд. Но если Гаврила Гаврилович опять...

– С того света не возвращаются, – не выдержала я. – Тот, кто вам пообещал за больше деньги реанимировать Лифт,

просто мошенник.

– Никогда не читайте российский интернет на ночь ², – переделала известную фразу на новый манер Рина.

Нинель прижала руки к груди.

– Рина, пожалуйста! Вместо Гаврилы Гавриловича нам предлагают пластмассовую Мэри.

---

² «Не читайте до обеда советских газет». «Собачье сердце», М. Булгаков.

Глава 7

Я окончательно перестала понимать происходящее.

– Пластмассовую Мэри?

– Да! – заплакала Нинель Михайловна. – Сказали: «Прекрасный современный вариант!» А по мне, так они лишь в гостиницах работают и только мужикам из деревни нравятся!

– Проститутки? – шепотом осведомилась Рина.

Нинель схватила ладонями за голову.

– Давайте вернем Гаврилу Гавриловича. Пожалуйста! Согласитесь! Да, это дорого, но в нашем доме не поселится нечто жуткое. Ох! Рина, прости, мне срочно надо в туалет. Придется воспользоваться вашим. Не провожай меня, санузел у вас расположен там же, где у меня! Дорогая, не волнуйся, я аккуратна, ничем не больна...

Последние слова Нинель произнесла, убегая в глубь квартиры.

– Она сошла с ума, – заявила Рина, – у нас в доме никогда не жил Гаврила Гаврилович.

– Может, сходить за ее дочкой? – предложила я.

Ирина Леонидовна махнула рукой.

– Она с детства странная, ничего вокруг себя не видит, двадцать лет пишет книгу про разведение кроликов. На днях открыла мне дверь подъезда и сказала: «Рада вас видеть,

Иван Никифорович». С одной стороны, это приятно. Ваня – молодой красивый мужчина. Не с йоркширским терьером, который у Лидии Григорьевны живет, меня перепутали. С другой стороны, странно, Ваня-то почти два метра ростом, вес у него... м-да, не такой, как у меня. Хотя, может, мне худеть пора.

И тут в двери заворочался ключ, и через пару секунд в прихожую вошел Иван.

– Что-то случилось? – насторожился он, глядя на нас.

– Ваня, тихо, – шепотом попросила Рина.

– У нас в гостях Нинель Волынская? – улыбнулся мой муж.

– Да. А как ты догадался? – удивилась я.

Иван открыл дверь на лестницу и показал на туфли, которые стояли на коврике.

– Соседка всегда спускается по лестнице в уличной обуви, потом надевает свои тапки и входит в чужую квартиру.

– Ванечка, – донеслось из коридора, – хорошо, что ты пришел, – пожалуйста, возьми на себя труд уговорить всех реанимировать Гаврилу Гавриловича.

– Нинель Михайловна, пойдемте в столовую, – предложил Иван, – там спокойно поговорим.

Мы переместились в комнату.

– Нинель, тебе какой чай? – осведомилась Рина. – Черный, зеленый, фруктовый?

– Я люблю всякий, но пить не стану, – заявила соседка, –

ты мне нальешь скороспелый.

– Какой? – хихикнула я.

– Скороспелый, – повторила Волынская, – зальешь листики водой, они пять минут постоят, и пей, дорогая.

– Ты разве иначе делаешь? – заинтересовалась Рина, которая всегда готова записать чужой рецепт.

– Конечно, да, – ответила Нинель, – любой напиток должен созреть. Кипятим заварку двадцать минут, потом сажаем на него Ньюру.

– Кого? – удивился Иван.

– Ньюру, – повторила Волынская, – она устраивается сверху на чайнике. И там сидит час и сорок две секунды.

– Сорок две секунды, – ошалело повторила я. – Почему не минуту?

– Потому что не минуту, – отбила мяч соседка. – Ньюре положено сидеть по часам.

– Сколько ты домработнице платишь? – воскликнула Рина.

– Дорогая, ты задаешь очень интимный вопрос, – поморщилась соседка, – о любой другой женщине, которая проявила такой интерес, я мигом подумаю: «Птица эта – не моего поля ягода, она дурно воспитана». Но поскольку мы с тобой родные по подъезду, отвечу так: прислуга довольна.

– Не каждая согласится на чайнике сидеть, – протянула я, – это неудобно, наверное. И жарко, в особенности летом.

Глаза Нинели расширились.

– Детонька, ты откуда в столицу приехала?

– Таня – коренная москвичка, – встала грудью на мою защиту свекровь.

– Да ну? – вдохновенно изобразила удивление Волынская. – А рассуждает, как пэтэушница из местечка «Курятня у дороги». Танечка, ты впервые слышишь про бабу на чайнике? Ватную куклу? Твои родители никогда не готовили правильную заварку?

– У тебя работает горничная Нюра, а у нас есть грелка для чайника, – вмешалась Рина, – я тоже решила, что твоя домработница на чайнике с заваркой устраивается!

– Да чтобы я наслаждалась напитком, который поломойка высидела! А вдруг она... э... звук издаст! – пришла в негодование соседка. – Хорошо же вы обо мне думаете! И как вы себе представляете сие действо? Я закрываю крышку, а баба плюхается на чайник? Она же его раздавит! Удивительная глупость может прийти некоторым людям в голову.

– Меня подтолкнуло к этой мысли имя Нюра, – зачем-то стала оправдываться Рина.

– И что? – с угрозой в голосе осведомилась соседка. – Так зовут ватную куклу.

– Господи, да зачем ей имя? – расхохоталась Ирина Леонидовна.

Нинель Михайловна сдвинула брови.

– В интеллигентном старомосковском доме, в семье, где прапрадедушка жил на Тверской, а прабабушка на Мясниц-

кой, даже половик у двери имеет свое прозвище.

– Правда? – не поверила я.

– Моего зовут Федор Евгеньевич, – гордо заявила соседка, – ложась спать, я всегда здороваюсь с подушкой Карелией Петровной и одеялом Семеном Сергеевичем.

– Лифт Гаврила Гаврилович – не человек, – осенило меня, – это просто лифт. Подъемник.

– Именно так, – согласилась Нинель. – А вы что, никак не поймете, в чем дело? Я давно вам разжевываю: Гаврила Гаврилович умер.

– Сломался, – нашла я более подходящий глагол.

– Умер! – взвизгнула Волынская. – Лифт работал с двадцатых годов прошлого века. Помню, как я возвращалась из школы, а он меня вез, любимый, заботливый Гаврила Гаврилович!

Иван сделал глоток из чашки.

– Нинель Михайловна, сколько вам лет?

– Ваня, что за вопрос? – рассердилась соседка. – Фу прямо, как невоспитанно. Но тебе отвечу – тридцать два.

Я быстро закрыла рот салфеткой, а мой муж стал сосредоточенно размешивать ложечкой сахар.

– Кто такая тогда пластмассовая Мэри? – решила рассеять все нелепости Рина.

Нинель воздела руки к потолку.

– Да что с вами сегодня? Ужасный, мерзкий лифт современного образца, очень похож на этот... как его, слово пло-

хое такое...

– Проститутка? – подсказала Рита. – Это существительное литературное, его употребляли классики. Например, Куприн в романе «Яма».

– Ой, нет! – занервничала гостя. – Лифты такие теперь установлены почти во всех гостиницах. Мода на них пришла из Америки, и там же придумали пакость, которая сейчас всем нравится. Ногти! О! Точно! Вспомнила! Ногти! Современный лифт похож на эти ногти! Прямоугольные, маленькие, гаденькие, в панировке из гнилых сухарей.

Глаза Рины загорелись факелами.

– Ногти в панировке? Никогда не пробовала, не готовила. Рецепт поделишься? А чьи ногти надо взять?

Волынская с шумом выдохнула.

– Я не ем эту дрянь. Зайди в любую харчевню у метро и спроси у повара. Ногти подают почти в каждой.

– Интересно, чьи там ногти? – с самым серьезным видом спросил Иван. – Медвежьи? Слоновьи? Коровьи?

– Чаще всего куриные, – ответила соседка, не поняв, что Иван Никифорович просто иронизирует.

– Наггетсы! – осенило меня.

– А я что вам говорю, – фыркнула Нинель, – вы до невозможности непонятливые. Наш старый лифт – антикварное произведение искусства: железные двери с орнаментом, стены деревянные, пол тоже, висит зеркало в бронзовой раме, стоит обитая бархатом скамеечка. Едет плавно, ты ощуща-

ешь себя истинной королевой, аристократкой. У Гаврилы Гавриловича что-то сломалось. А все разбитое чинится. Есть человек, который его восстановит, но он дорого берет. И ясно почему: он сделает уникальный лифт новеньким. Понятно объясняю?

– Сейчас да, – кивнула Рина, – а раньше не очень. Ты так выражалась, что мы с Танюшей решили, что у Гаврилы Гавриловича фамилия Лифт и он умер.

– Я такого не говорила, – отрезала Волынская.

– Мы так поняли, – вздохнула я.

Нинель пожала плечами.

– И кто виноват? Я ответила на все ваши вопросы. Теперь очередь Рины и Вани. Дорогие, что вам больше нравится: наш родной, уютный, антикварный Гаврила Гаврилович или пластмассовая, противная Мэри, похожая на типичный ноготь из харчевни?

– Я за Гаврилу, – кивнула Рина.

– Присоединяюсь, – согласился Иван. – А ты, Танюша?

Волынская вздернула подбородок.

– Ее мнение мне не интересно, она не наша, не родная, не подъездная. Есть вещи, которые должны обсуждать только те жильцы, которые в этом доме со дня его существования живут. Без обид, Татьяна. Я просто сказала правду, выразила мнение большинства аристократии подъезда.

Глава 8

Я взяла чашку и сделала вид, что пью чай. Только бы не расхохотаться во весь голос, только бы удержаться, иначе представитель аристократии подъезда может обидеться. А мне не хочется доставлять неприятные эмоции Нинели Михайловне.

И тут раздался голос Рины. Моя свекровь заговорила прямо как Игорь Кириллов, великий ведущий программы «Время» в советскую эпоху.

– Госпожа Волынская! Позволю себе напомнить, что эту красивую фамилию вы, от рождения Колотушкина, получили, выйдя по расчету замуж в тридцать лет за Игоря. В нашем доме вы не так давно проживаете. И позволю себе отметить нестыковку в показаниях: если вам тридцать с небольшим, то вы никак не можете помнить, как в двадцатые годы прошлого века выглядел лифт. А если у вас это задержалось в памяти, то вам сто тридцать с гаком лет.

Рина схватила со стола полотенце.

– А теперь уноси отсюда ноги, жаба унитазная, пока я тебе пенделей не надавала. Еще раз схамишь Танюше, наведу на тебя порчу безденежья, злую почесуху, облысуху, синюху и... и...

Волынская ойкнула и умчалась из комнаты. Через пару секунд раздался стук двери.

Я расхохоталась.

– Рина! Злая почесуха и облысуха! Ой, не могу!

Ирина Леонидовна уперла руки в бока и исподлобья взглянула на Ивана Никифоровича.

– А ты почему молчал?

– Заслушался, как ты говоришь, – улыбнулся Иван.

– Ты обязан защищать жену, – налетела на него мать, – или ты хочешь, чтобы она оказалась в армии незамужно замужних женщин?

– Незамужно замужних? Это как? – спросила я. – Имеете в виду гражданский брак?

– Нет, – уже спокойнее ответила Ирина Леонидовна, – законный, с печатью в паспорте. Если муж не защищает тебя от нападков своей матери, родни, соседей, то ты, дорогая, не замужем. Если муж не хочет зарабатывать, говорит: «Ну где мне денег найти?», лежит на диване и спокойно смотрит, как ты бегаешь, высунув язык, чтобы обеспечить семью, то ты не замужем. Потому что муж всегда сообразит, где подработать. Если ты плачешь от усталости, устраиваешь истерики, топaeшь ногами, а муж вопит в ответ: «Понятно, я тебе, неудачник, не нужен. Все! Ухожу к маме» и бежит к шкафу, чтобы сложить вещи, то ты не замужем. Если ты сама решаешь все домашние проблемы, на твоих плечах покупка продуктов, готовка, уборка, проверка уроков, стирка, глажка, чистка аквариума и прогулка с собачкой, а заодно и вынос мусора, то ты не замужем. Потому что муж никогда не превратит же-

ну в домработницу. Если тебе в качестве подарка достается только на Новый год и на день рождения конверт с деньгами, который он дает со словами: «Ты уж извини, сколько мог, столько и заработал», то ты не замужем. Муж постарается радовать жену почаще и не будить у нее при этом чувство вины, что она все его накопления забрала. Если твой муж пьет без просыху, сутками играет на компьютере, изменяет тебе, врет, делает тайком записки, критикует тебя в присутствии своих друзей, требует увеличить грудь, то ты не замужем. Не за мужем. Ты за лентяем, дураком, хамом, идиотом, безразличным человеком, эгоистом. И не надо успокаивать себя словами: зато у моих детей есть папа, и у нас секс раз в неделю. Ребятам нужен отец, а не бревно на диване. И лучше жить совсем без секса... «Ты лучше голодай, чем что попало есть. И лучше будь один, чем вместе с кем попало»³.

Рина вздернула голову и ушла.

– Что это с ней? – изумилась я.

Иван налил мне в чашку чай.

– У моего отца была очень авторитарная мать, она согнула его колесом, каждый день напоминала ему, что его родила и кому он за появление на свет обязан. Папа полностью контролировался матерью, та решала: где сыну учиться, что есть, носить, с кем дружить. Жили они в Самаре. Никифор уехал поступать в МГУ, с золотой медалью, он без труда стал студентом. На пятом курсе он женился на москвичке и попал

---

³ Стихи написал Омар Хайям.

в ад, потому что у Елены была своя мамаша. Теща постоянно говорила зятю, что он нищий, голый, без жилья, женился на ее дочери по расчету. А родная мамочка приезжала раз в три месяца, ссорила сына с невесткой, тещей и укатывала в Самару со словами:

– Вот что получается, когда дети самостоятельно принимают решение.

Через несколько лет жена изменила Никифору, ушла к другому. Он в прямом смысле слова оказался на улице, потом снял комнату в коммуналке и познакомился с Риной. А та сирота, ни отца, ни матери, но у нее была своя квартира, она жила в хоромах, которые от родителей ей достались. Даже сейчас собственные многокомнатные апартаменты у юной девушки – не столь уж частое явление. А в годы юности моих родителей это и вовсе считалось уникальной удачей. Молодые пары в советское время чаще всего ютились на кухне, редко им доставалась спальня в квартире у старшего поколения. О своих квадратных метрах только мечтали, ждали смерти бабушки-дедушки, надеялись, что однушка стариков им перейдет, снимали комнаты в коммуналках, бараках. А у Риной был просто дворец, куда она сразу прописала мужа. Думаешь свекровь оценила доброту невестки? Как же! Наталья Ивановна приезжала из Самары и говорила сыну, который тогда начал работать в каком-то НИИ:

– Тебе надо прилично выглядеть, пошли, одену сыночка. И всю неделю она бегала с Никифором по торговым цен-

трам, приобретала ему костюм, ботинки, рубашки. Рине ничего не дарила. Когда мать с сыном садились вечером за стол, свекровь начинала шпынять невестку: еда невкусная, в квартире грязь, белье не глажено. Никифор всегда молчал, а Ирина улыбалась. Она ни разу не ответила грубостью на хамство, иногда говорила:

– Вы правы, я пока еще плохая хозяйка.

Потом родился я и своим появлением на свет вызвал черный гнев Натальи Ивановны. Она примчалась в Москву, устроила скандал, орала:

– Какие дети! Ирина! Опомнись! Ты тратишь все деньги, которые муж потом и кровью зарабатывает, на свои шмотки и удовольствия. Хочешь на шею Никифора еще спиногрыза посадить? Разгадала я твой план! Родить, а потом восемнадцать лет на алименты жировать!

Мой отец всегда молчал, матери своей он никогда замечаний не делал. Зато после каждого ее отъезда у молодой пары случалась ссора. Никифор говорил жене:

– Ты могла бы вести себя с моей мамой иначе. Показать ей свою любовь.

И Рина убегала плакать в туалет.

Один раз свекровь напала на невестку в присутствии своей сестры, которая вместе с ней приехала из Самары посмотреть, как живет Никифор. Но не успела Наталья Ивановна как следует поорать, как Елена ее окоротила:

– Хватит, Наташа! Тебе давно надо камни из желчного пу-

зыря удалить, успокаивающее лекарство пить. Ты истеричка. Чем Ирина плоха? Квартира роскошная, сама она милая, дом ухожен, младенец здоровый. Чего тебе еще надо?

Наталья вдруг замолчала, а Елена продолжила:

– Ну разведешь ты его второй раз, и что? Сама с ним жить будешь, хозяйство вести?

– Уж получше, чем у этой, получится, – буркнула мамаша моего отца.

– Возможно, – усмехнулась Елена. – А спать с сыном, детей ему рожать тоже ты станешь? Никифор, почему ты Иру не защищаешь? Или не знаешь, как мать твоего отца третировала? Вышла за него замуж без любви, по расчету и всю жизнь потом за это мстила? Чего сидишь молча? Вели Наташе замолчать!

– Ну, не орать же нам вдвоем, – пробубнил Никифор, – не люблю скандалов.

– Уж реши, кто ты, – рассердилась Елена, – мамочкин вечный сынок или муж Ирины, которая тебя любит и по этой причине свекровь по башке стулом за хамство не огрела. Я бы такой мамаше прямо сказала: «Вы в моем доме, извольте вести себя прилично. Если я вам не нравлюсь, то никого около себя не держу!»

Рина улыбнулась:

– Тетя Лена, я этого говорить не стану. Знаю, что Никифор меня любит, а все остальное ерунда.

Наталья вскочила.

– Ерунда? Я ерунда? Ерунда? Никифор эту непристойную, наглую девчонку любит? Я уезжаю в Самару! Сын, выбирай! Или я, или она! Ты с кем? С мамой или с чужой бабой?

И пошла к двери. Отец вскочил и поспешил за Натальей Ивановной.

Глава 9

– Ну и ну, – пробормотала я, – очень неприятно, когда муж так поступает.

– Я эту историю от Елены Ивановны узнал, – пояснил Иван, – она очень редко к нам приезжала. Бабку я тоже помню. Я отказался с ней общаться в десятилетнем возрасте, она меня люто ненавидела, щипала исподтишка. Мама просила ничего папе не рассказывать, говорила:

– Бабушка старая, она не в себе.

Помню, как отмечали ее день рождения, отец уже купил матери квартиру в Москве. Накрыла моя мама стол, Наталья позвала какую-то свою подругу. А я, лет мне, наверное, семь было, потянулся к баночке с красной икрой, хотел себе бутерброд сделать. Наталья как стукнет меня по руке.

– А ну, не трогай! Для людей куплено, не тебе угощаться.

– Добрая бабуля, – восхитилась я.

– Отец, как всегда, промолчал, – усмехнулся Иван, – зато Рина! Она встала, взяла меня за руку и очень спокойно сказала свекрови:

– Наталья Ивановна, если вы еще раз посмеете ударить нашего с Никифором сына или оскорбить его, то двери моего дома захлопнутся для вас навсегда. А порог вашей квартиры мы с ребенком более не переступим.

И мы ушли в кафе-мороженое, потом Рина мне в «Дет-

ском мире» железную дорогу купила.

Более мы с мамой к Наталье Ивановне не ходили, а она к нам забегала. Ее здорово злила моя детская, полная игрушек. И один раз после ее очередного посещения я, десятилетний, нашел от нее письмо, искрившее ненавистью: «Иван, ты плохой мальчик, ты заставляешь папу с утра до ночи трудиться, постоянно требуешь от него игрушки, ты ядовитый нарост на спине отца...»

Я поперхнулась чаем.

– С трудом верится, что пожилая дама способна написать такое десятилетнему мальчику, да еще своему внуку.

– Из песни слов не выкинешь, – вздохнул муж. – Самое интересное, что она работала учительницей. Говорят, Наталью Ивановну любили дети, уважали родители. Почему я рассказал тебе эту не особенно приятную правду? Я сейчас поступил как Никифор. В тот момент, когда Нинель Михайловна налетела на тебя, я сидел молча. Честное слово, я не отец! Просто...

Я замахала руками.

– Прекрати! Я отлично знаю, как ты ко мне относишься. И ненавижу семейные скандалы, наслушалась их в детстве, заработала стойкую аллергию на супружеский лай. Не кидаться же нам сообща на соседку?! Лифт Гаврила Гаврилович! Ой не могу, интересно, как она унитаз величает? Что мы будем делать с Полиной Правкиной? Где она сейчас?

Как я и предполагала, Иван обрадовался мгновенной сме-

не темы беседы.

– У девушки есть две квартиры, одну она сдает. Есть и автомобиль, Полина учится и работает пиарщицей в небольшой фирме, получает зарплату. В возрасте двенадцати лет девочка попала в интернат. Но!

– Но? – повторила я.

– Ситуация немного иная, чем нам сообщила Правкина, – начал Иван Никифорович, – да, она оказалась в интернате. Заведение хорошее, но не платное. В него принимают ребят, чьи родители, мать или отец, или оба сразу, погибли на службе. Вооруженные силы, полиция, ФСБ, МЧС. Там есть разные формы проживания и обучения. Дети могут уходить на выходные, праздники домой, кое-кого бабушки-дедушки забирают на ночь. Ну и на каникулы, конечно, основная масса учащихся едет в родные пенаты. В интернате мало полных сирот, вот они из-за отсутствия каких-либо родственников живут в приюте постоянно. Среди них была и Полина Правкина. И вот тут самое интересное. В ее личном деле указано, что у девочки вообще нет близких, но мы знаем, что у нее на момент определения в интернат была жива мать. Сведений о семье Полины никаких нет. Но это не удивляет. У большинства школьников, которые, как она, никогда не уходили домой, информация об отце и матери отсутствует. Не исключая, что детям полностью изменили все данные. Ясно?

– Конечно, – кивнула я, – они, похоже, из семей сотрудников ФСБ, внешней разведки. Дети стали жертвами службы

родителей. Зачем рожать, если знаешь, чем тебе предстоит заниматься?

– По-разному складывается, – остановил меня Иван, – часто люди и не предполагают, как сложится их судьба. Я дружил в детские годы с Олегом Фокиным. А потом он исчез из нашего класса, пришла завуч и объяснила: «Родители Олега погибли, их на переходе сбил пьяный водитель, бабушка, узнав, что случилось, умерла. Олежек теперь будет учиться в интернате». Мне было очень жаль Фокина. Прошло много лет, и к нам в бригаду стал проситься Фокин. Фамилия распространенная, имя Олег не редкость, но это оказался мой одноклассник. Он у нас до сих пор служит. Некоторое время назад Олег пришел в мой кабинет и рассказал, что, работая сейчас по делу, он вышел на мужчину, который рассказал ему о том, что родители Олега не погибли. Они были отправлены в другую страну, жили там долго, вполне счастливо, у них родились еще дети. А вот бабушка Фокина на самом деле скончалась, когда услышала о гибели сына и невестки. Служба в разведке только в сериалах красиво выглядит. В реальности у агентов два варианта жизни. Или его раскроют и он бесследно исчезнет, или станет своим среди чужих, но тогда по-настоящему своих никогда не увидит, не сможет им сообщить: «Я жив!»

– У нас есть Олег Фокин? – удивилась я. – Впервые о нем слышу.

Иван Никифорович улыбнулся.

– Хороший вопрос. Есть. Но он не Фокин.

– Я ступила, однако, – вздохнула я.

– Мать Полина видела последний раз в тот день, когда девочку сдали в особый интернат, – договорил муж.

– Что-то здесь не так, – пробормотала я.

– На мой взгляд, тут все не так, – подытожил Иван, – девочку просто бросили. Почему?

– Анжелика боялась, что убийцы Петра выйдут на нее с ребенком и расправятся со всей семьей, – ответила я.

– Ответ лежит на поверхности, – заметил муж, – а мне всегда не нравится, когда на мой вопрос сразу находится объяснение происходящего. Давай разберем ситуацию от корней. Валерий Кругликов – парень из богатой и, как сейчас говорят, звездной семьи – оказался серийным убийцей.

– Ну вы даете, – раздался голос Димона, и через секунду Коробков собственной персоной вошел в столовую. – Входная дверь, братцы кролики, у вас не заперта.

– Ой! – вздрогнула я. – Забыла закрыть ее как следует.

В столовую заглянула Рина.

– Димочка! Ты, наверное, проголодался!

– Просто падаю без сил, – ответил Коробков, вынул из сумки аж три ноутбука, положил их на стол и деловито осведомился: – Где беседовать будем?

– Пошли, – скомандовал Иван Никифорович.

Мы переместились в рабочее помещение, не в то, где находится центр связи со всеми бригадами, а туда, где Иван

иногда проводит совещания, о которых не следует знать никому, кроме малочисленных и, как правило, постоянных участников.

Димон поставил свои гаджеты на длинный стол, я устроилась в кресле, Иван сел напротив меня и заговорил:

– Мы работаем втроем. Других сотрудников не привлекаем.

– Прямо как в старые добрые времена, – потер руки Коробков, – ты, я и хватит.

– Тут еще одна женщина присутствует, – улыбнулась я.

– Наличие дамы в команде приветствуется, – продолжал веселиться Димон, – в особенности если она живенько организует легкий вечерний перекус, перетекающий в ночной зажор.

У Ивана звякнул мобильный, ему на ватсап прилетело сообщение.

– Сейчас определенно появится кое-что вкусное, – предположила я, – Рина унюхала появление Димы, уже собирает своему любимчику тарелочку.

– Коробков, у тебя жена превосходно готовит, – усмехнулся Иван. – Неужели ты дома не ел?

– Не просто ел, жрал, – согласился Димон, – но потом поехал к вам, на дороге слет автодураков, пробки, движение опять в центре поменяли, а в Глазовском переулке плитку кладут, по нему не проедешь.

– Плитку? – ахнула я. – Ее же там только что новую насте-

лили! Весь апрель тарахтели отбойными молотками. Даже у нас, через пару улиц от Глазовского, стены тряслись.

– Плитку можно менять бесконечно, – заявил Димон, – я потратил массу калорий в дороге, организм требует их восполнения.

– Ты просто обжора, – подвел итог Иван, – и кое-кому очень обидно, что безудержное поглощение Коробком разнообразной еды никоим образом не отражается на его фигуре. Ну почему у некоторых зубы постоянно в работе, а живот не растет? И по какой причине я даже смотреть на жареную картошку с салом не могу?

– Есть два ответа, – хихикнула я, – ты не просто смотришь на сковородку, ты оттуда ешь. А у Димы глисты!

– Вторая ремарка ложь, – возмутился Димон, – я не па-рюсь по поводу лишнего веса, а если брюки не сходятся, просто покупаю новые.

Иван встал.

– Пойду принесу то, что Рина собрала.

– А где Мози и Роки? – удивился Коробок. – Почему собакены меня не встречают? Куда Альберт Кузьмич подевался?

– Кот и бульдожки уехали в салон, – пояснила я.

– Куда? – удивился приятель.

– Альберт Кузьмич не дается себя вычесывать, а Мози и Роки, видя, как домработница несет в ванную их полотенца, молниеносно прячутся. Вчера их искали почти два часа и не нашли. Поэтому Надежда Васильевна повезла их в парикма-

херскую.

Димон посмотрел на часы.

– Так уже поздно.

Я услышала шаги Ивана в коридоре, встала и открыла дверь.

– Мы специально выбрали время, когда других клиентов нет. Альберт Кузьмич воеет во время процедуры, Мози громко ругается, Роки ведет себя тихо, но он молча описывает и, если можно так выразиться, обкакивает помещение. Согласись, нашу команду лучше не показывать посторонним.

Глава 10

– Начну с истоков, – заговорил Димон, намазывая на кусок домашнего белого хлеба толстый слой французского санкционного масла, которое неведомыми путями добывает Рина. – Валерий Кругликов, на мой взгляд, последний, кого можно было заподозрить в преступлениях. Родился с золотой ложкой во рту, идеальные характеристики как школьных, так и вузовских педагогов. Отличник, красавчик, спортсмен. Не увлекался алкоголем, к сигаретам не тянулся, был не обделен вниманием женщин. Из самой лучшей школы Москвы попал в престижный вуз. Собственная квартира, машина, полный кошелек. С младенчества летал с мамой по всему миру. Анна Юрьевна брала сына на гастроли. В первый класс он пошел в восемь лет, в одном из своих интервью певица пояснила, что у сына нет задержки в развитии. Просто она хотела продлить ему детство. С пареньком дома занимались педагоги, поэтому он недолго просидел с первоклашками, его перевели во второй, потом в третий класс. В институте Кругликов был первым по всем предметам, отличник, ловелас. Он лучше остальных танцевал, играл на гитаре, про одежду лучше промолчу, понятно же, она у него была самая модная. И вот этот умница оказался жестоким маньяком, который убивал женщин. Причем возраст жертв был от сорока пяти до шестидесяти. Молодых он не трогал.

Дима сделал себе еще один бутерброд, на сей раз с домашним паштетом. Теперь они с Иваном стали говорить по очереди, вводили меня в курс дела, вспоминали позабытые подробности. Я слушала мужчин молча.

Как-то раз одна молодая пара решила уединиться в лесу. Юным любовникам едва стукнуло по шестнадцать лет. Рита и Коля, москвичка-дачница и парень из неблагополучной деревенской семьи, прекрасно понимали, что родители никогда не разрешат им проводить время вместе, поэтому тщательно заматали следы. На людях они ругались, пару раз подрались, и все жители села искренне считали, что подростки ненавидят друг друга. Но поздним вечером ребята втихаря удирали из дома, встречались в условленном месте за деревней и шли в глубь леса, каждый раз выбирая для веселья новую поляну.

Однажды Рита легла на одеяло и вскоре пожаловалась:
– Спине больно.

Коле не хотелось прерывать начатое занятие, поэтому он прикинулся, что не слышит слов любовницы, но та в конце концов закричала:

– Эй! Прекрати! Мне что-то режет кожу.

Николай поднял тонкое одеяльце и увидел... большое железное кольцо, которое торчало из земли.

– Ну ваще! – изумился он. – Откуда оно тут? Когда я клал подстилку, ничего не торчало!

Рита стала шарить руками по мху.

– Смотри, кусок отрезан! Я стала ерзать, и он съехал.

Ребята смахнули куски земли со мхом и увидели лист то ли пластика, то ли железа, который покрасили зелено-коричневой краской.

– Ух ты! Мы нашли клад! – обрадовалась Рита.

– Что-то я сомневаюсь, – пробормотал Коля.

– Давай откроем и посмотрим, что там, – предложила Рита.

– Да ну, темно, мы ничего не увидим, – засопровтивлялся кавалер.

Но женщина, даже совсем юная, всегда знает, как добиться желаемого. Рита взяла Николая на слабо, обозвала трусом, и он поднял крышку.

К удивлению ребят, внизу вспыхнул свет.

– Там точно клад, – заликовала Маргарита, – мы его заберем, купим квартиру, поженимся. Спускайся, а я за тобой.

– Подожди, пока я тебя позову, – велел подросток и исчез под землей.

– Эй, ты там как? – крикнула Маргарита спустя, наверное, минут десять.

И тут Николай молча вылез наружу, и его стошнило.

Рита попятилась.

– Что-то страшное?

– Бежим скорей, – прошептал Коля.

– Хочу посмотреть, – загапризничала девочка.

Кавалер живо захлопнул крышку.

– Нет! Ты с ума сойдешь, нам надо к участковому.

К слову сказать, местного детектива, который, как и Николай, спустился в подпол, тоже вывернуло наизнанку. В отличие от юноши взрослый мужчина не успел подняться, ему стало плохо внизу. Сельские опера – простые ребята, им приходится в основном заниматься примитивными бытовыми убийствами. Ну, сели вечером муж с женой телик смотреть, уговорили пол-литра, он обозвал супругу дурой, та схватила сковородку, мужик поднял табуретку... В результате один труп и рыдающая убийца. Все ясно, понятно, никаких психологических хитростей.

Но камера пыток, явно специально оборудованная, снабженная жуткими приспособлениями, вся в крови, а потом и обнаруженное рядом захоронение тел испугали местных дознавателей. Они поняли, что не справятся с таким делом, обратились за помощью к более опытным товарищам, но принимали участие в расследовании. И именно деревенский участковый объяснил, что его дедушка в сороковые годы прошлого века оборудовал в лесу в глухом месте подземную землянку, где прятал от немцев-оккупантов две семьи коммунистов: председателя колхоза и парторга. Мужчина тайком носил им еду, спас людям жизнь. После победы дед скоро умер. Землянка не использовалась, о ней начисто забыли. Получалось, что маньяк из местных, кто-то из родни рассказал ему о схроне, а преступник решил использовать его в своих целях.

Глава 11

Перешерстили все население, допросили каждого жителя окрестных сел, кроме маленьких детей. Расследование топталось на месте, потом к Ивану Никифоровичу обратился его старый приятель, который и занимался поиском маньяка. Мой муж с командой тайно подключился к работе. Иван изучил допросы местных жителей и решил, что исключать ребят в возрасте от шести до десяти неправильно. Они много видят и слышат. Димон, Гри и еще пара сотрудников запаслись шоколадом, игрушками и начали разговоры с малышами. Наиболее результативной оказалась беседа с восьмилетним Жорой Ефимовым. Он рассказал, что получил в четверти два по математике, положил дневник на стол в кухне, а сам удрал в лес. Жора надеялся, что, когда он вернется домой, мама слегка остынет, решил зайти поглубже в чащу и заблудился. Когда стемнело, мальчик залез на дерево, ему пришлось в голову, что с высоты хорошо видно окрестности, и он поймет, в какой стороне деревня. Но вскарабкаться на вершину не удалось, сил малышу хватило лишь на преодоление нескольких нижних пышных ветвей. Жорик, сидя на дереве, перевел дух, хотел спускаться, и тут из-под земли показался луч света. Ребенок чуть не умер со страха. Бабушка часто рассказывала ему сказки про леших, Бабу-Ягу. А кто еще может в темное время суток вылезать из-под земли? Уж

не светлый ангел.

Жора прижался к стволу, затаил дыхание, но глаз не закрыл. Он увидел, как из-под земли вышел высокий дядя. Лица его ребенок не рассмотрел, а вот кроссовки разглядел в деталях. Нечисть светила фонарем на землю, луч захватывал обувь, которая восхитила паренька: оранжевые кроссовки с зелеными фосфоресцирующими вставками и шнурками того же цвета. Такую обувь носил его одноклассник, сын владельца магазинов в деревне, на станции и даже в самой Москве. Почти весь класс мечтал о таких же спортивных ботинках, но они стоили больше, чем родители большинства ребятшек зарабатывали за месяц. Жорик тоже мечтал о таких, однако понимал, что не видать ему кроссовок, как своего затылка.

Имея только сведения об обуви, члены особой бригады еще раз допросили местных. И Татьяна Николаевна Валуева, жительница села Горелое, сообщила, что вот уже много лет сдает дачу Никитиным, у них есть взрослый сын Борис. У него вроде такие кроссовки.

Димон и Гри не стали медлить, они отправились к Боре, тот удивился вопросу.

– Кроссовки? Да, были. Только я их Валерке отдал. Кругликов живет в десяти минутах езды отсюда, у его матери дача в Соловьях, она певица. Мы с Валериком с детства друзья. Он ко мне пришел, расписывался. По дороге наступил в коровье дерьмо, кеды уделал. А мне папаня подарил кроссы, он с мамой в разводе, алименты он не платит, пару раз

в году вещи мне покупает, но всегда в размере ошибается. Мала обувь. Да и не надел бы я ее никогда, даже если впору. У Валерки нога меньше, он эти ботасы забрал.

Вот так вышли на Кругликова, а дальше все оказалось примитивно просто. Отпечатки пальцев со всех сторон прекрасного молодого человека обнаружились по всей землянке, переделанной в камеру пыток. Адвокат нашел этому объяснение:

– Валерий случайно обнаружил схрон, спустился туда, походил, посмотрел, потрогал инструменты, вылез, хотел идти заявлять, и тут вы сами приехали.

– Хорошая попытка, – одобрил законника Димон, – но пальчики вашего клиента обнаружились и на внутренней поверхности мешка, в который был упакован один из изуродованных трупов. Валерий случайно нашел «кладбище» маньяка, отрыл одного покойника, заглянул в мешок, потом привел захоронение в первозданный вид и решил пойти к следователю, а тут мы сами приехали. Да?

Адвокат на пару секунд растерялся, потом открыл рот, но тут у Валерия, который по его указке ничего не говорил, сдали нервы.

– Да, – заорал он, – да! Я ненавижу старух! Таких, как мать! Она всю жизнь мне поломала!

– Немедленно врача, – потребовал адвокат, – вы довели моего клиента до нервного срыва.

А потом пропал Заикин и вместе с ним испарились улики.

Вещдоки лежали на складе, выдаются они по запросу следователя, который расписывается в книге. В журнале зафиксировано, когда Петр взял коробку. И все! Вещественные доказательства испарились без следа. Останки Заикина потом случайно нашли, а вот все, что можно использовать для обвинения Кругликова, пропало навсегда. Отправить Валерия под суд было невозможно.

Коробков щелкнул пультом, включился большой экран на стене, на нем появились фото.

– Это снимки жертв, которым, по заключению эксперта, было от сорока до пятидесяти пяти лет. Думаю, точного возраста Валерий, выбирая жертву, не знал. Сомневаюсь, что он у них спрашивал паспорт, и не в возрасте дело. Видишь, как они похожи.

– М-м-м, – протянула я, – карие глаза, шатенки, прически такие, волосы на бигуди завиты и слегка начесаны.

– И у всех безумный макияж, – перебил меня Димон, – голубые перламутровые тени, розовые щеки, красные губы. Прямо матрешки.

– Они просто хотели выглядеть модными, – встала я на защиту тетушек, – молодость женщин пришлось на то время, когда не было в изобилии декоративной доступной косметики и одежды масс-маркет, когда за сравнительно небольшие деньги можно модно одеться. Вот они и решили приукрасить себя, когда появилась возможность. Но ты прав, жертвы словно причесывались и красились в одном салоне. И у них

одежда очень похожая.

– Одежда? Что ты имеешь в виду? – задал странный, на мой взгляд, вопрос Иван.

Я удивилась.

– Что можно иметь в виду, когда говоришь, что у них почти одинаковая одежда? Только то, что дамы носили идентичные блузки.

– И как ты это поняла? – спросил мой муж.

Я пустилась в объяснения.

– Фото расположены последовательно, одно за другим, хорошо видно, что кофточки у них просто клоны.

– Мне так не кажется, – возразил Коробков, – первая женщина слева в красной, та, что рядом с ней, в синей блузке. И где совпадения?

– На мужской взгляд, наверное, его нет, – согласилась я, – а вот как дело обстоит, когда снимки рассматривает женщина, сейчас объясню. Да, цвет не совпадает. Но! Воротник, мелкие пуговички, рисунок вязки трикотажа, рукав, чуть присборенный сверху. Фасон один, только цвет разнится. Обратите внимание, у всех трикотажные блузки!

Иван вскинул брови.

– Фото, которые ты видишь, сделал убийца. Он их вставлял в альбом. Посмотри, во что одеты другие.

На экране ноутбука Коробкова появились новые изображения.

– У этих двух блузки вроде шелковые, – прищурилась я, –

снова один и тот же...

– Понял, – перебил меня Иван Никифорович, – у них воротник-стойка, жабо такое кудрявое.

– Гофрированное, – улыбнулась я, – плюс кокетка, что немного странно для жабо. Перегруженная вещь.

– Кокетка? Вас ист дас? – жалобно спросил Коробков.

– Отрезная часть платья, юбки, которая, как правило, пришивается сзади, но может располагаться и спереди, – объяснила я. – У блузок этих женщин очень странный крой. Какой-то театральный, вычурный, маскарадный. Не знаю, как его правильно назвать.

– И рукава непонятные! – воскликнул Димон.

– «Летучая мышь»! – воскликнула я.

Мужчины разом подняли головы и посмотрели на потолок.

Глава 12

– Шутка удалась, – заметил Димон, – помнится, лет в семь мы с пацанами ждали, когда мимо нашей компании пройдет кто-нибудь. Когда человек приближался к нам, один из членов дружного коллектива задира л голову и кричал: «Падает». Нас очень забавляло наблюдать за реакцией взрослых. Одни пригибались, закрывали голову руками, вторые убегали, третьи просто визжали, стоя на месте. Но были и другие, те спокойно говорили: «Дети на пустыре, ничего сверху не свалится, неоткуда ему падать». Участвуя в этой забаве, я рано сообразил: если человек родился дураком, то ему никакое образование не поможет. Он выучился на врача, учителя, инженера? У него одни пятерки в дипломе? Значит, в России появился отличный врач, учитель, инженер, но полный дурак. Он свои пятерочные знания применит самым идиотским образом.

– Ну все, повеселились, теперь займемся делом, – остановил Коробкова Иван.

Я вздохнула. Иван и Дима прекрасные специалисты, но есть некие мелкие детали, которых они не знают, известные большинству женщин, ничего не смыслящих в сыском деле.

– Сказав «летучая мышь», я не собиралась заставлять вас изучать потолок. Просто назвала фасон одежды, посмотрите на рукава, которые Димон назвал необычными.

– А-а-а, – протянул Коробок, – действительно, похоже.

– У нас есть женщины, – продолжала я, – которые одеваются в идентичные вещи, только разного цвета. Вы уверены, что жертвы между собой не знакомы?

– Связь искали дотошно, но так и не нашли, – ответил Иван.

– У них и прически похожи, и макияж, – пробормотала я.

– Интересная деталь, – сказал Димон, – они все одинокие. Ни мужей, ни детей, ни родственников, ни друзей не имели.

– Пропали, и никто их не искал, – уточнил Иван Никифорович, – потому что никто ими не интересовался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.